

УДК 821.161.1 : 801.6

**КОД ЗАГЛАВИЯ В РОМАНЕ ТИМУРА КИБИРОВА  
«ЛАДА, ИЛИ РАДОСТЬ»**

**Н. В. Семенова**

Тверской государственный университет  
*кафедра теории литературы*

В статье рассматривается потенциал заглавия и определяются стратегии чтения «набоковского» романа Тимура Кибирова «Лада, или Радость».

**Ключевые слова:** *метаповествование, заглавие, постмодернизм, постмодернизм, пародия, В. В. Набоков*

В начале помещенной в интернете рецензии на роман Тимура Кибирова «Лада, или Радость» читаем: «Есть у Набокова книга «Ада и страсти», в которой главная героиня – женщина и речь идет о любви, самой обычной, земной. У Кибирова главная героиня – собака и речь тоже о любви, но любви возвышенной. И, судя по всему, такое совпадение не случайно» [9]. Оставляя в стороне, что ни в одном из переводов роман Набокова не имеет названия «Ада и страсти» и что действие романа происходит на *Анти*терре, заметим, что обстоятельство это далее никак не комментируется, так что можно предположить, что речь идет о бессознательном заимствовании – реминисценции, семантический потенциал которой, по определению, не велик.

Впрочем, Тимур Кибиров сам в своем метаповествовании выступает одновременно и как писатель, и как критик, пресекая, таким образом, изначально посторонние критические усилия. И первое, что подвергается в романе осмыслению, – это двойное заглавие, вернее, первая его часть. Уже во второй главе раздается «голос» гипотетического читателя: «А с каких это шей, Тимур Юрьич, заглавная героиня носит такое странное, отчасти славянофильское имя?» [2, с. 12] К этому моменту читатель уже успел оправиться от изумления, обнаружив, что «лирическое песнопение» является, собственно, переложением на человеческий язык «лая и визгов» главной героини – собаки Лады:

Ту, кого целовала ты, миловала,  
И пускала тайно под одеяло,  
Для кого запах кожи твоей дороже  
Благовоний рая!

Вспомяни же, с другом другим играя... [2, с. 6]

Опровергнув сразу подозрение в славянофильстве («Нет, милый читатель! Ничего такого Лада не означает!» [2, с. 12]), автор, как истинный постмодернист, проводит читателя по цитатным отсылкам: Лада никак не связана «с популярной некогда песней (музыка Шаинского, слова Пляцковского) или с мало популярным автомобилем» [2, с. 12]. Ладой назвала бездомную собачку пятиклассница Лиза Харчевникова, зачитывавшаяся эпопеей Буй-Тура Воеводина «Воительницы Лукоморья», где имя это носила одна из «облаченных, судя по обложке, в бронированные бикини, славяноросских валькирий» [2, с. 13], обладавшая «удивительной способностью обращаться из натуральной блондинки то в белоснежную степную кобылицу, то в белокрылого сокола или среброкрылого лебедя, а то и в белокурую

(sic!) волчицу» [2, с. 13]. Вот это обстоятельство и определило кличку «не менее белокурого собачьего подростка» [2, с.13]. В подтверждение этой версии глава, где Лада вступает в схватку с волками, имеет название «Последняя битва воительницы Лукоморья».

То, что автор лукавит, становится ясным из помещенного в сноску 13-ой главы комментария: «Тут я хотел бы, кстати, обратить внимание читателей на то, что название моей хроники никак не связано с неведомым мне сочинением Гертруды Стайн «Как была у тетки телка. История любви». Я о существовании этого текста, по-моему, еще не переведенного на русский язык, узнал совсем недавно из единственной книги этой знаменитой писательницы, которую я, надо сказать, с большим изумлением и безо всякого удовольствия, прочел, – «Автобиография Алисы Б. Токлас». Источник моего не очень благозвучного названия находится гораздо ближе к русской классической литературе» [2, с. 101].

«Ближе к русской литературе» – это, конечно, не о А. С. Пушкине с его Лукоморьем. Поиски предполагаемого источника заглавия приводят к В. В. Набокову. Набоков, культовый писатель советской и российской интеллигенции, появляется в романе в анекдотической истории с водопроводчиком, принявшим фотографию пожилого писателя в пенсне за Берию. С Набоковым автор вступает в полемику относительно задач искусства и прогресса в искусстве. В полицитатном романе особый пласт образуют цитаты из набоковских произведений (Мак-Фатум и другие), и заглавие – одна из них.

Подсказку содержит сопряжение антропонимов Лада и Ада, совершенно по-набоковски расположенных на соседних страницах книги, выпущенной в издательстве «Время»: на 12-ой странице упомянута Лада Владиславовна Афонина, «работодательница и подружка» [2, с. 12] автора, а на 13-ой – Ада Минглет – «выпускница Литинститута, популярный ди-джей радио «Отрыв» и колумнистка нескольких периодических изданий» [2, с. 13], к тому же пишущая под «грозным» псевдонимом Буй Тур Воеводин. О Ладе Владиславовне Афониной судить не представляется возможным, а Ада Минглет явная мистификация, как и название радиостанции, почерпнутое из лексикона ди-джеев: «муз-отрыв», «хит-отрыв» и т. д. Именная аллюзия отсылает к названию романа В. В. Набокова «Ада, или Страсть» [4], что еще более очевидно в переводе Сергея Ильина – «Ада, или Радости страсти» [7, т. 4].

В. НАБОКОВ «Ада, или Радости страсти: семейная хроника» [7, т. 4] (в другом переводе «хроника одной семьи» [4].)	Т. КИБИРОВ «Лада, или Радость. Хроника верной и счастливой любви» [2].
--	--

На этой схеме видно, что и лексически, и синтаксически, и графически заглавие Тимура Кибирова повторяет заглавие романа Набокова.

О причинах изменения набоковского заглавия в русском переводе (не «Страсть», а «Радости страсти») можно высказать следующее предположение. При транслитерировании английского заглавия «Ada, or Ardor» получаем следующее написание, где все буквы в слове «Ардор» составляют неполную анаграмму слова «радость» – РАДО.

«Ada, or Ardor»
-----------------

«А Д А, о р А Р Д О Р» (Р А Д О С Т Ь)
--

В то же время записанное кириллицей имя Ада однозначно анаграммируется как «АД». Набоков часто использует в «Аде» прием языковой игры, так что перевод С. Ильина кажется конгениальным набоковскому заглавию. Отметим также, что на фонетическом уровне оба компонента английского заглавия [6] оказываются практически идентичными (это омофоны), что имеет следствием их смысловое тождество: Ада – это страсть.

ADA [a:də]
------------

ARDOR [a:də]
--------------

В этой логике возникают еще два «перекрестных» заглавия, где попеременно записанные кириллицей левый и правый компоненты эксплицируют подтекст.

ADA = РАДОСТЬ
---------------

АД = ARDOR (СТРАСТЬ)
----------------------

Первый вариант коррелирует с заглавием романа Тимура Кибирова «Лада, или Радость», второй – полемичен по отношению к нему, так как «страсть» у Набокова – это измены, инцест и разлуки героев Ады и Вана. Перевод заглавия Оксаны Кириченко - «Ада, или Эротиада» – [5] также содержит подтекстные значения, соединяя в слове «Эротиада» ад и страсть (эрос). В классификации Б. П. Иванюка заглавие романа Набокова – подтекстное, а заглавие романа Тимура Кибирова – интертекстуальное [1].

У Тимура Кибирова цитата в заглавии – сильной позиции текста – коррелирует с набоковской цитатой в последнем абзаце романа. Но если начало романа «Лада, или Радость» отсылает к «Аде», то финал столь же очевидно – к «Лолите».

В финале романа «Лолита» Гумберт Гумберт прощается со своей любовью, а автор – на метатекстовом уровне – со своей заглавной героиней и книгой: «И это – единственное бессмертие, которое мы можем с тобой разделить, моя Лолита» [7, т. 2, с. 376]. В «Эпилоге» романа «Лада, или Радость» автор прощается со своими героями и обещает им бессмертие: «Ну а Александра Егоровна с Ладой, они-то будут жить долго и счастливо.

И вообще не умрут.

Никогда.

Потому что...

Ну потому что какое нам-то, в сущности, дело, что все обращается в прах. И над сколькими еще безднами предстоит нам с тобою бродить и верить, коченеть и петь» [2, с. 190]. Этот пассаж говорит о том же, о чем финал «Лолиты» – о «спасении в искусстве»: «Говорю я о турах и ангелах, о тайне прочных пигментов, о предсказании в сонете, о спасении в искусстве» [7, т. 2, с. 376].

Последние фрагменты романов похожи синтаксически (попарное объединение однородных членов) и ритмически. У обоих авторов имеет место затемненность смысла, содержащая намек на какое-то иное измерение – «потусторонность» искусства.

Как вариант цитаты в сильной позиции текста можно отметить слово «Конец», которым завершается роман Тимура Кибирова (такое же формальное завер-

шение имеет «Лолита» Набокова). Слово *конец* у обоих авторов выступает как момент иронии по отношению к завершенности художественного текста, ведь отраженная в романе жизнь не знает завершения. В отсутствии четко обозначенных начала и конца названия обрамляющих глав – «Интродукция» и «Эпилог» – вполне условны, а сам роман Тимура Кибирова напоминает «свободный роман» – «произвольно вырезанный кусок произвольно выбранной жизни» [3, с. 76]. Эту уникальную структуру создал А. С. Пушкин в «Евгении Онегине» и повторил В. В. Набоков в «Даре». Заметим, что «Дар» упомянут в романе «Лада, или Радость» вместе с «Приглашением на казнь» и «Бледным пламенем»: «И между прочим, когда читаешь (и пока читаешь) «Дар» или «Приглашение на казнь» или «Pale fire», ты и сам готов в это поверить – в смысле, что лучше уже и быть ничего не может, и последующим поколениям писателей остается только, как сказал бы Жора, «курить в сторонке» [2, с. 140].

Ослабление сюжетности – еще одна характеристика «свободного романа». Известно заявление Набокова о том, что героиня «Дара» «не Зина, а русская литература» [7, т. 4, с. 50]. С еще большим основанием можно сказать, что героиня романа Тимура Кибирова не Лада, а русская поэзия. Автор ни на минуту не дает забыть читателю, что он прежде всего поэт и хотел бы своего читателя к поэзии приохотить. Что касается сюжета, то в него можно верить (а к каким-то событиям, как утверждает автор, он прямо причастен), но проницательный читатель больше поверит авторскому свидетельству в главе «Неосуществимая коза»: «Вот я говорю честность, а ведь будь я действительно, на все сто процентов, честен, то признался бы, хотя бы себе самому, что ведь и пенсионерок, и задиристых продавщиц, и даже глупых хулиганов, собутыльников и сослуживцев моей жалкой юности, я совсем не знаю, души их для меня непроницаемые потемки, признался бы честно и оставил бы трудоемкие и нерентабельные попытки запечатлеть их и сделать живыми и правдоподобными» [2, с. 102].

Однако, вопреки авторскому признанию, герои в романе выходят «как живые», и достигается это приемом, который отметили Ю. Н. Тынянов и Ю. М. Лотман в «Евгении Онегине». В «свободном романе» – романе, воспринимаемом как жизнь, в особом положении оказываются литературные герои: их мнимая *реальность* воспринимается на фоне их подчеркнутой *литературности*. Герои «многократно сопоставляются, отождествляются, противопоставляются определенным традиционным персонажам» [3, с. 85–86]. При этом, как отмечал Лотман, «поведение различных персонажей строится совсем неодинаково»: на главных героев в «Евгении Онегине» надевается ряд литературных масок, а герои второстепенные «руководствуются <...> социокультурным стереотипом» [3, с. 89].

В «Даре» этот принцип построения образа, мера условности, еще возрастает. Тынянов писал о «свободных двупланных амплуа» онегинских героев [10, с. 156]. В «Даре» можно говорить уже о трехпланных амплуа и четырехпланных. В полицитатном романе Тимура Кибирова главные персонажи (и некоторые второстепенные) имеют множество двойников. Нет их только у Сапрыкиной, Юлика и родителей Лизы Харчевниковой (сама же Лиза – «капитанская дочка», «беденькая Лиза» с Дальнего пруда). Прочие персонажи встраиваются в длинные ряды литературных и нелитературных соответствий:

Лада // Ада // Беатриче // Ромео // собака Баскервиллей // арап Петра Великого // Наташа Ростова // Айвенго // Осип Мандельштам // Лаокоон.

Александра Егоровна // Пушкин // Татьяна Ларина // Данте // Джульетта // Наталья Николаевна Пушкина // крошечка-хаврошечка // «мать Ивана» из повести Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана».

Жора // Терминатор I // историк Радзинский // Ноздрев-Хлестаков // Берти Вустер из комических романов П. Г. Вудхауза // мистер Свивеллер персонаж «Лавки древностей» Диккенса // Барт Симпсон из мультсериала «Симпсоны» // «парнишка» из стихотворения Одена «Щит Ахиллеса» // Дантес // Тарас Бульба // Петрушка, Рататуй (театральные маски) // Владимир Высоцкий.

Чебурек // индеец-аутист из кинофильма «Пролетая над гнездом кукушки» // «чудище» из «Аленького цветочка» Бажова // Хоттабыч // Али-баба из кинофильма «Джентльмены удачи» // Ахмадшах Масуд // Бюль-бюль Оглы // Радж Капур // гурон // меджнун.

Автор Тимур Юрьевич Кибиров // Ленский // Манилов.

Гогушин // «молодой моряк» // «черноморский наш герой» // Пушкин.

Вдова-клиторша // героини Марецкой и Мордюковой.

В результате количество амплуа и их несообразность разрушают прием, создают комический эффект, заставляя само жанровое определение «свободный роман» заключать в иронические кавычки.

Пародийных двойников можно отыскать и за пределами цитатных рядов. Пародийный двойник Набокова – Берия, автора – «стихийный постмодернист», хулиган Жора. При этом рефлексия относительно самой природы романа в главе «Все еще ретардация» передоверяется читателю, что создает привычную для русской литературы ситуацию – критик и поэт. Читатель опровергает постулат о постмодернистском романе как симбиозе массовой и высокой литературы: «ну не удастся уже никому совместить дедушку Крылова и, скажем, Себастьяна Найта» [2, с. 143]. Между тем, автору удастся осуществить то, что его оппоненту-читателю представляется невозможным: соединить «асадовских старушек и собачек» с «цитатными оргиями и стилизаторскими вакханалиями» [2, с. 143], но соединить как-то не всерьез. Профанный читатель роман читать, скорей всего, не будет (как было написано о книге в интернете: «Не советую читать ее всем, только тем, кто любит стихи, притом стихи Тимура Кибирова» [10]).

А для остальных заглавие в ретроспективном осмыслении получает дополнительную функцию, задавая направление интерпретации: если «Ада» Набокова – это пародия на роман, то «Лада» – постмодернистский роман, пародия на пародию. И, как всегда в таких случаях, выбор стратегии чтения остается за читателем.

### **Список литературы**

1. Иванюк Б. П. О текстовой относительности заглавия [Электронный ресурс]. URL: <http://science.rggu.ru/article.html?id=66064> (Дата обращения: 28.08.2014).
2. Кибиров Т. Лада, или Радость. Хроника верной и счастливой любви. М.: Время, 2010. 196 с.
3. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
4. Набоков В. В. Ада, или Страсть. Хроника одной семьи. Киев: Аттика; Кишинев: Кони-Велес, 1994. 608 с.
5. Набоков В. В. Ада, или Эротиада. Семейная хроника. М.: АСТ, 2000. 608 с.
6. Nabokov V. Ada, or Ardor: A Family Chronicle. N. Y.: McGraw-Hill, 1969. 445 p.

7. Набоков В. В. Собрание сочинений. Американский период: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 1996–2000. Т. 2. 1996. 672 с. Т. 4. 1997. 672 с.
8. Набоков В. В. Предисловие к роману «The Gift» // В. В. Набоков: pro et contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. С. 49–51.
9. Рец. на книгу «Лада, или Радость» [Электронный ресурс]. URL: [bookmix.ru > review.phtml?rid=54473](http://bookmix.ru/view.phtml?rid=54473) (Дата обращения: 28.08.2014).
10. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. 423 с.

## **CODE TITLE IN THE NOVEL T. KIBIROV "LADA, OR JOY"**

**N. V. Semenova**

Tver State University  
*The department of theory of literature*

The article discusses the potential of the title and determined strategy of reading Nabokov's novel Timur Kibirov "Lada, or Pleasure".

**Key words:** *metanarrative, title, post-modernism, postmodernism, parody, V. Nabokov*

*Об авторе:*

СЕМЕНОВА Нина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: [ninasemenova@yandex.ru](mailto:ninasemenova@yandex.ru).